

УДК 82.02

DOI: 10.17223/19986645/49/12

О.Р. Темиршина

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИРИКИ ЛЕТОВА И МАЯКОВСКОГО: ОТ МОДЕЛИ МИРА К ЯЗЫКУ

В статье рассматривается поэзия Е. Летова и В. Маяковского в типологическом аспекте. Доказывается, что ключевую роль в типологическом сравнении разных поэтических систем играют категории телесности и пространства, которые, метафорически кодируя отношения человека и мира, выполняют в тексте «конструктивную» функцию. Показано, что схема взаимодействия телесности и пространства в лирике Летова и Маяковского обуславливает важнейшие особенности поэтической семантики и грамматики их текстов.

Ключевые слова: *Маяковский, Летов, типологический метод, тело, пространство, поэтическая семантика, поэтическая грамматика.*

1. К вопросу о типологическом сравнении поэтических систем

Типологическое сходство творчества Летова и поэзии Маяковского уже было отмечено (см., например, работы [1, 2]), цель данной статьи – определить, какими мировоззренческими факторами оно обусловлено. Перед тем как приступить к непосредственному сравнению поэтик Летова и Маяковского, необходимо сделать несколько общих замечаний, касающихся принципов и приемов сравнительного анализа.

1.1. Разные поэтические системы могут сравниваться в рамках двух методологических подходов: типологического и контактного [3. С. 138]. Методологическое разграничение этих подходов не исключает возможности их взаимодействия. Так, концепция «встречного течения» (А.Н. Веселовский) делает эти подходы взаимодополняющими (принимаящая система структурно похожа на дающую, поэтому факт заимствования возможен) и позволяет считать типологические данные средством верификации «контактных» заимствований.

В чем заключается причина типологических сходжений и на каком уровне текста следует их искать? Советская компаративистика объясняла жанрово-родовые конвергенции сходными общественно-историческими условиями. Не отрицая подобного общественно-исторического подхода, все же укажем на то, что его применение ограничено, так как для лирики XX в. (и тем более для современной поэзии) жанровые координаты нерелевантны.

В настоящее время для обоснования типологических сходжений в гуманитарных исследованиях используют понятие модели мира и ряд сходных терминов. В рамках этих концепций возможность сравнения разных текстов обуславливается не общими культурно-историческими условиями, а сходными мировоззренческими установками. Однако точных процедур верификации этих представлений нет, поэтому содержание соответствующих терминов остается расплывчатым.

Для целей типологического анализа целесообразно разграничить понятия «модель мира» и «картина мира». В качестве единиц миромоделирующего уровня выступают мировоззренческие инварианты, которые обуславливают целостность и связность текста. Эти «общие схемы» (фреймы, гештальты и проч.), актуализируясь в разных конкретных культурно-философских «кодах», формируют различные картины мира [4. С. 11–20].

Типологический анализ должен быть связан с миромоделирующим уровнем, поскольку именно модель мира позволяет сквозь разнообразие ее культурно-философских воплощений увидеть один мировоззренческий и поэтический тип (в то время как анализ «картин мира» позволяет оценить индивидуальные «отклонения» поэтик от этого общего типа).

1.2. Разграничение модели мира и картины мира, несмотря на свою методологическую значимость, тем не менее не дает ответа на вопрос о конкретных механизмах связи между миромоделирующим уровнем и поэтическим текстом. Этот вопрос можно сформулировать иначе: как текстуально выражена модель мира?

Мы полагаем, что не все элементы текста одинаково сильно связаны с миромоделирующим уровнем. Возможно, что в тексте есть первичные «базальные» структуры, которые непосредственно актуализируют миромодель. Эти первичные структуры располагаются на границе между текстом и человеком: они, с одной стороны, психологически значимы для человека как биосоциального существа, а с другой стороны, в тексте они выполняют конструктивную системообразующую функцию. Наиболее фундаментальные структуры такого рода – это образы телесности и пространства. Именно эти «первообразы» и должны стать, по нашему мнению, материалом для типологического сопоставления. *Сходство семантик разных авторов на уровне этих ключевых структур с известной степенью вероятности предполагает, что их поэтические системы будут типологически сходными и в других аспектах.*

1.3. Конструктивную функцию пространства по отношению к тексту можно считать доказанной¹. Что касается телесности, то здесь материалов существенно меньше. Тем не менее психологические данные свидетельствуют о том, что тело в конституировании модели мира оказывается более важным феноменом, чем пространство.

Так, во-первых, тело служит своеобразной точкой отсчета, обуславливающей появление той или иной модели пространства, через которые интерпретируется целый ряд идей и концепций – от времени [6, 7] до способа выражения эмоций [8].

Во-вторых, телесное в онтогенезе мотивирует область смыслов. Культурно-историческая психология свидетельствуют о том, что язык в своем онтогенетическом развитии движется от конкретно-зримых, моторно-телесных схем к отвлеченно-абстрактным значениям. В процессе этого движения первичные нерасчлененные смысловые комплексы, связанные с контекстом и сенсомоторным опытом, уступают место системе дифференцированных понятий [9. С. 51–67].

¹ См. об этом фундаментальную статью В.Н. Топорова «Пространство и текст» [5].

Однако «чувственно-двигательное мышление», лежащее в онтогенетической базе языка, полностью не исчезает. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон обращают внимание на языковую метафорику, связанную с образом телесного, которая кодирует пространственные представления носителей английского языка [8. С. 49]. Этот факт, по мнению Лакоффа, объясняется основополагающим когнитивным принципом, согласно которому сложные абстрактные понятия понимаются через простые конкретные образы, главным из которых оказывается именно человеческое тело¹.

В соответствии с этим когнитивным принципом сложные, часто отвлеченные отношения между субъектом и миром (те самые трудноуловимые «мировоззренческие представления») в художественном тексте могут конкретно-образно кодироваться в отношениях тела и среды. Тело, таким образом, оказывается «удобным» объектом для реконструкции художественной миромодели, ибо оно в своих отношениях с внешним пространством репрезентирует ее внутреннюю структуру.

Телесно-пространственные комплексы, обнаруживаемые в лирике Летова и Маяковского, сводятся, как будет показано ниже, к единому семантическому инварианту, лежащему в основе авангардистской миромодели. Этот инвариант, по нашему предположению, проявляется как на поверхностном мотивно-образном уровне, так и на глубинном уровне поэтической грамматики. Отсюда проистекают и задачи данного исследования: описать миромоделирующие образы тела и пространства в лирике Летова и Маяковского и выявить роль телесно-пространственного кода в формировании поэтического языка.

2. Семантика образов тела и пространства в лирике Летова и Маяковского

В лирике Летова и Маяковского выделяется несколько типов пространства. Основным классифицирующим признаком этих типов становится наличие / отсутствие границы.

2.1. Так, пространство, *внешнее* по отношению к лирической точке зрения (назовем его Пространством-1), соотнесено с идеей границы, которая препятствует свободному передвижению героя. В поэзии Маяковского и Летова это ограничивающее пространство оценивается негативно и концептуализируется через образы земли-тюрьмы и бытового пространства, переполненного вещами.

В первом случае в роли ограничивающего пространства выступает земля, которая интерпретируется как тюрьма, «держущая», «не выпускающая» героя. У Маяковского образ земли-тюрьмы практически всегда соотнесен с мотивами границы и статики-неподвижности. Ср.: «Оковала земля окаянная» [11. Т. 1. С. 250]²; «Гремит, / приковано к ногам, / ядро земного шара» [Там же]; «Сейчас придут, / придут за мной и узел рассекут земной» [Там же. С. 245]; «...сбивая / цепь границ / с всего земного лона» [Там же. Т. 5. С. 74].

¹ По мнению ученого, роль телесности настолько велика, что она фактически мотивирует самую абстрактную сферу знаний - математику (см. об этом: [10]).

² Далее при ссылках на это издание том и страницы указываются в тексте в скобках.

У Летова земное пространство также связывается с идеей плена и ограничения подвижности. Ср.: «Меня держит земля / Крошечные ножки / Завязли в тягучей / И руки по швам» [12. С. 36]; «Всех нас зверей землёй убаюкали / Утрамбовали...» [Там же. С. 337]; «Почти задушен / Почти закопан» [Там же. С. 79].

Во втором случае ограничивающее пространство предстает как бытовое пространство, которое наделяется теми же предикативными функциями: в нем вязнут, оно опутывает и ограничивает. Ср. у Маяковского: «Опутали революцию обывательщины нити...» [11. Т. 2. С. 74]; «Быт / ползет / из щелей! / Затянет / тиной зыбей» [Там же. Т. 6. С. 43]. У Летова в стихотворении «Любо-дорого» возникает такая же корреляция мотивов быта и ограничения: «Дома всё в порядке / <...> Полная чаша / Полная мера / Твёрдая память / Ни дыхнуть...» [12. С. 313].

2.2. Лирический субъект и Пространство-1 противопоставлены. Эта контрастность носит онтологический характер, что подтверждается деформацией телесности лирического субъекта в этом ограниченном пространстве. В текстах Летова и Маяковского обнаруживаются два сценария деформации границы телесного: центростремительный и центробежный. Центробежная модель предполагает сдвиг границы по направлению от тела к миру, центростремительная модель связана со сдвигом границы от мира к телу.

Центростремительный вектор соотнесен с мотивом воздействия агрессивной внешней силы на телесность героя. Эта сила действует на тело деструктивным образом (разрушает, деформирует, ломает). У Маяковского этот мотив присутствует уже в ранней поэзии, где пространство города агрессивно вторгается во внутреннюю зону телесного: «...туман, с кровожадным лицом каннибала, / жевал невкусных людей» [11. Т. 1. С. 63]; «...а с запада падает красный снег / сочными клочьями человеческого мяса» [Там же. С. 64].

В лирике Летова телесность тоже выступает в своей страдающей ипостаси. Тело может быть расстреляно, изрублено, искусано («Я бесполезен») [12. С. 79]; разрезано, размазано («Приятного аппетита») [Там же. С. 204], раздавлено, раскрыто, повешено («Трамвай») [Там же. С. 231].

Центробежный вектор в текстах Летова и Маяковского, являясь своеобразным «ответом» на агрессивное воздействие внешних сил, связан с мотивом экстерииоризации телесного. Какова внутренняя логика такого движения? Ограничивающее пространство сдавливает, сжимает тело, а тело в ответ на это ограничение дает ответную реакцию: оно, пытаясь отменить эти границы, как бы «выворачивается» в мир. Это выворачивание реализуется в мотивно-образном комплексе овнешнения тела.

У Маяковского такое экстерииоризированное тело, преодолевающее свои собственные границы, появляется в «Облаке в штанах»: «Я сам / Глаза наслезненные бочками выкачу. / Дайте о ребра опереться. / Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу!» [11. Т. 1. С. 189]; «А себя, как я, вывернуть не можете, / чтобы были одни сплошные губы!» [Там же. С. 175]; «И я чувствую – / “я” / для меня мало. / Кто-то из меня вырывается упрямо» [Там же. С. 189].

Частным случаем мотива экстерииоризации становится мотив изымания из груди сердца или души (которая тоже телесна). Ср.: «Это я / Сердце флагом

поднял...» [11. Т. 1. С. 249] или «Душу выгашу, / растопчу, / чтоб большая! – и / окровавленную дам, как знамя» [Там же. С. 185].

У Летова экстерииоризация внутреннего тела также соотнесена с овнешненным телом, вывернутым, как и у Маяковского, но эта вывернутость носит более физиологичный характер. Ср.: «Тело расцветает кишками на волю / ... Тело обучается кишками наружу / Тело распускается кишками восвоаяси / Во весь дух / Бежит кровь – всё равно куда – / Лишь бы прочь из плена...» [12. С. 296]; «...пока лёгкие не взорвались с красным звуком» [Там же. С. 63], «Эх, распирает изнутри весёлую гранату» [Там же. С. 291]; «И все это рухнет на нас так много / Что кишки и мозги разлетятся как мухи» [Там же. С. 59]; «Разразиться бы, лопнуть / Чтоб с кишками наружу / Живые слова» [Там же. С. 32].

Такая экстерииоризированная телесность всегда является своеобразной «реакцией» на неразрешимое столкновение лирического героя и мира, что подтверждает исходную гипотезу о том, что первичный мировоззренческий конфликт «лирический герой vs мир» кодируется более простым образным противопоставлением «телесность vs ограничивающее пространство».

2.3. Этот конфликт можно нейтрализовать, сняв границу между телом и внеположной ему реальностью. Снятие этой оппозиции осуществляется двумя способами: через конструирование нового утопического пространства и создание новой телесности, соотнесенной с этим пространством.

2.3.1. Утопическое пространство (Пространство-2) является «безграничным», связывается с мотивом свободного перемещения героя и противопоставляется ограничивающему Пространству-1. На статус такого пространства претендует небо, которое понимается как «простор».

Небесный простор у Летова и Маяковского обладает сходной смысловой дистрибуцией. Так, во-первых, он соотносится с мотивом полета и понимается как пространство, где законы земного бытия (физические и социальные) не действуют. У Маяковского сцена полета в «Человеке» сопровождается сентенцией о нарушении базовых физических законов: «Физика, химия, астрономия – чушь. / Вот захотел / И по тучам / Лечу ж» [11. Т. 1. С. 253]. У Летова возникает та же смысловая «конфигурация»: простор связан с полетом, а полет интерпретируется как нарушение закона земного притяжения (с той лишь поправкой, что евангельская модель полета-вознесения, которая была у Маяковского, здесь заменяется полетом в космос). Ср.: «Что означает / Что происходит / Когда прекращают работать Законы / Земного тяготения / Когда исчезает земное притяжение / <...> Он сказал поехали / И махнул рукой» [12. С. 352].

Во-вторых, простор «отрицает» любые границы и моделирует некое однородное континуальное пространство. Именно поэтому выход в простор понимается как освобождение, выход из узкого Пространства-1, связанного с теснотой и болью. Мотив освобождения-полета появляется у Маяковского в «Человеке»: «Аптекарь, / дай / душу / без боли / в просторы вывести» [11. Т. 1. С. 257]. В постреволюционных стихотворениях Маяковского тема простора соотнесена с иными, социально значимыми мотивами, однако ключевая идея разрушения границ остается и в этих стихотворениях: «Будь аэрокры-

лым – / и станет / у вас / мир, / которому / короток глаз, / все стены / которого / в ветрах развоздушены» [11. Т. 5. С. 79].

Концепция мира, «которому короток глаз», ставит под сомнение реальную протяженность пространства, что обуславливает возможность беспрепятственного проникновения в любую точку этого пространственного континуума. Ср. практически идентичные формулировки этого мотива у Маяковского и Летова соответственно: «Всюду теперь! / Можно везде мне» [Там же. Т. 1. С. 253] и «... шагать себе прочь в никуда отовсюду» [12. С. 416].

Разрушение границ в Пространстве-2 закономерно приводит к тому, что пространственная оппозиция «близко – далеко» теряет смысл. Так, в «Пятом Интернационале» главный герой, претерпевая ряд телесных трансформаций, попадает в космические «просторы» (используется именно это слово: «простор / одуряющ и прям» [11. Т. 4. С. 112]) и видит все, что обычно находится за пределами видимости: «Ехать в духоте, <...> / чтоб потом на Париж паршивый пялиться?! / Да я его и из Пушкина вижу, / как свои / пять пальцев» [Там же. С. 109].

У Летова в тексте «Простор открыт» обнаруживаем ту же семантическую связку: снятие оппозиции «близко – далеко», как и у Маяковского, связывается с идеей безграничного простора и пространства, лишённого протяженности: «До луны / Рукою подать / До Китая пешком полшага / <...> Простор открыт / Ничего святого» [12. С. 320].

2.3.2. Если свободное движение тела в пространстве сопровождается творение нового утопического пространства, то движение самой границы тела соотносится с конструированием новой «утопической» телесности с нестабильной границей. Лирика Маяковского и Летова даёт два образа такой телесности: а) тело текущее; б) тело, спроецированное на внешний мир и включающее в себя его части.

Тело текущее с нестабильной границей является репрезентантом идеального утопического пространства-простора, соответственно его структура изоморфна этому однородному пространственному континууму. Так, во-первых, у него, как и у простора, нет статичной границы; во-вторых, телесность этого типа связана с новым состоянием мира, поэтому она, знаменуя переход к этому состоянию, осмысливается в лиминальном ключе. У Маяковского такая телесность соотнесена с утопической революционной эсхатологией [13], а у Летова – со смертью.

У Маяковского текущее тело появляется в стихотворениях, посвящённых революции и гражданской войне. Так, в стихотворении «Революция. Поэтохроника» возникает образ чудовищного тысячерукого Марата, который соотнесён с разливом масс, с потопом: «Граждане! / Это первый день рабочего потопа» [11. Т. 1. С. 136–137].

Семантическая связка *телесность с нарушенными индивидуальными границами – текучесть* устойчива у Маяковского. Это чудовищное тело часто предстает в виде лавы, которая течёт экспансивно захватывая пространства: «В одну благодарность сливаем слова / тебе, / красноезвездная лава» [Там же. Т. 2. С. 72]; «Лава / Буденных / пойдёт / на рысях» [Там же. Т. 9. С. 35–36]; «Мы идем. / Рядов разливу нет истока. / Волгам красных армий нету устья» [Там же. Т. 2. С. 43].

Обращает на себя внимание специфика передвижения этого текущего тела. Оно никогда не бывает статичным, но всегда движется, его появление сопровождается формулировками типа «мы идем», «мы плывем», «летим», «молнымся», его граница все время экстенсивно расширяется, именно поэтому такое текущее тело генетически связано с «просторным» пространством. Эта генетическая связь эксплицируется в поэме «150 000 000», где такая лавинообразная телесность излучается «в несметных просторах» [11. Т. 2. С. 128].

В лирике Летова такие текущие тела получают совершенно иную семантическую мотивировку, связываясь с мотивом смерти, понимаемой, как и революция Маяковского, в инициальном ключе: «А дедушка мертвый, былинный, лукавый / Лежит коромыслом, течет восвоися...» [12. С. 128]; «Нарядная Офелия текла через край», «И гневные прадеды славно сочились» [Там же. С. 329], «Торопливо постигали положение вещей / Созерцая похождения Текущего Повсюду» [Там же. С. 500].

Другой вариант такой смещенной телесности – это тело, спроецированное на мир, которое в предельном случае может включать в себя его части. Такая телесность отграничена от текущего тела по двум параметрам. Во-первых, здесь нет движения границы тела, присутствует лишь статичное наложение мира и тела. Во-вторых, образ тела, спроецированного на мир, связан не с эсхатологическими ожиданиями, а с уже возникшей новой реальностью.

Так, у Маяковского в поэме «Война и мир» в финале появляется образ тела, из которого возникает внешнее пространство. «Вот, / хотите, / из правого глаза / выну / целую цветущую рощу?!» [11. Т. 1. С. 234].

Соположение индивидуального тела и мира обнаруживается и в стихотворении «Владимир Ильич», где изображается мифо-утопическая картина творения нового мира, связанная с образом всечеловека, который буквально через свою телесность структурирует космос: «Металось / во все стороны / мира безголовое тело. / <...> Когда над миром вырос / Ленин / Огромной головой. / И земли / сели на оси» [Там же. Т. 2. С. 32].

Проекцию телесного на внешнее с включением внутрь находим и в лирике Летова, где обнаруживается большое количество примеров такого слияния: «А снег действительно валится / Прямо на раскаленные бронхи / А внутри меня персики персики...» [12. С. 132]; «Ветер в горле у меня / Заблудился раз и навсегда» [Там же. С. 297]; «Воробьиная... отчаянная стая голосит во мне» [Там же. С. 298]; «И луна во мне высоко...» [Там же. С. 230]; «Мозг полон был листьев» [Там же. С. 110]; «Слушай как сквозь кожу прорастает рожь / слушай как по горлу пробегает мышь / <...> слушай как спешит по гулким венам вдаль твоя / сладкая радуга...» [Там же. С. 308].

2.4. Система взаимодействия тела и внешнего пространства не только метафорически кодирует взаимодействие героя и мира, но обуславливает и саму концепцию личности. Так у Летова и Маяковского появляется несамостоятельная, «прерывистая» личность. У Маяковского этот тип личности связывается с отрицанием ее единичности-единственности (ср. «Единица – вздор, / единица – ноль...» [11. Т. 6. С. 266]); у Летова же образ такой личности коррелирует с мотивом отрицания ее психологической целостности

(«Я не настолько нищий, / чтобы быть всегда лишь самим собой / И меня непременно повсюду / несметное множество» [12. С. 494]).

Такая концепция личности фундируется проницаемой границей телесного, именно поэтому в текстах Маяковского и Летова «прерывистая» личность контекстуально соотносится с идеей многодушия, которая, во-первых, предполагает нахождение внутри героя разного рода чужеродных сущностей, а во-вторых, связывается с идеей проникновения в зону телесного чего-либо / кого-либо, внеположного субъекту.

Первый мотивный вариант многодушия – *нечто (или некто) находится внутри героя или вырывается из героя наружу* – появляется в поэме Маяковского «Про это», где главный герой оказывается медведем, «проскребающим» сквозь человека: «Сквозь первое горе / бессмысленный, / ярый, мозг поборов / проскребается зверь» [11. Т. 4. С. 146].

У Летова внутри такой личности также может быть животное («Сырая лошаде́нка вздымается внутри меня» [12. С. 262]; «Воробьиная... отчаянная стая голосит во мне» [Там же. С. 298]), однако чаще там находится некая неизвестная сущность, обозначаемая неопределёнными местоимениями («И кто-то тихонько заплачет внутри» [Там же. С. 181]; «Кто-то внутри умирает хохоча» [Там же. С. 279], «Что-то белое слепое поселилось в груди» [Там же. С. 301]; «Кто-то сбежал из меня матерясь» [Там же. С. 501]).

Второй вариант мотива многодушия связан с противоположным движением: если в первом случае из тела нечто выходило, то здесь *нечто в зону телесного может входить*, что приводит к появлению мотивов, близких по своей семантике к мотиву одержимости. Ср. в «Мистерии-Буфф»: «В ваши мускулы / Я / себя одеть / пришел. / Готовьте тела-колонны» [11. Т. 2. С. 211]; В текстах Летова, особенно поздних, мотив вхождения в зону телесного, связанный с семантикой одержимости разными силами, встречается довольно часто. Ср: «Он пытается пролезть / Сквозь дыру в моей голове...» [12. С. 211], «Лишь через мой веселый труп / Солнце / Звенит сияет так как оно есть... / А труп гуляет по земле» [Там же. С. 525]; «Бог говорит со мной посредством меня» [Там же. С. 523].

2.5. Итак, общим знаменателем лирики Летова и Маяковского являются концепции тела и пространства, которые в своей инвариантной основе оказываются удивительно сходными. При этом сходство наблюдается не просто на уровне отдельных семантических единиц (образов и мотивов), но на уровне целостных структур, ими образуемых. *Мы полагаем, что общей базой этих телесно-пространственных «геитальтов» является уничтожение границы между телом и миром.*

Семантическое равенство мира и человеческой телесности реанимирует в лирике Маяковского и Летова мифологический архетип «всечеловека», задающий сценарий построения мирового пространства по модели тела¹. Этот общий «фрейм» обуславливает и частные параллели между соответствующими пространственно-телесными образами в мифе и в лирике обоих поэтов. Так, в мифе такая онтологическая телесность связывается с семантическим комплексом жертвоприношения, разъятости и агрегатности [5. С. 318–372],

¹ Применительно к Маяковскому этот факт уже отмечался, см.: [14; 15. С. 149–178].

который у Летова и Маяковского проявляется в образе экстериоризированного, расчленённого тела. Примечательно, что во многих случаях мотив жертвы в их лирике выходит на поверхность и реализуется в закреплённых культурой образах (ср., например, образы Христа, убиваемых животных, которые одинаково значимы как для Летова, так и для Маяковского).

Универсальность архетипа, задающего прямое соотношение тела и мира, видимо, обуславливается тем, что *тело в онтогенезе моделирует представление о пространстве*. И возможно, что архетипический образ «всечеловека» является образом регрессивным, маркирующим возврат к ранним онтогенетическим стадиям развития, когда человек и мир представляли собой единое целое.

В этом аспекте исключительный интерес представляет концепция Ж. Лакана, связывающая становление «Я» с формированием целостного образа тела, который в данном случае является своеобразным материальным субстратом самоидентичности. Эту раннюю стадию становления идентичности Лакан называет «зеркальной». И если «зеркальная» стадия развития ребенка соотносится с формированием завершённого гештальта тела и отделённого от реальности субъекта, то дозеркальная стадия, напротив, связывается с мотивом дезинтеграции тела и смешением субъекта и объекта [16. С. 508–517].

Возможно, что рефлекс дозеркальной стадии становления «эго» обнаруживаются в поэзии Летова и Маяковского (где идентичность субъекта, маркированная разорванной телесностью, становится проблемной), а также в мифе (где тело «всечеловека» представляется «собранным» из фрагментов и частей). Возможно также, что *данная пространственная схема регресса, предполагающая смешение внешнего пространства мира и внутреннего пространства тела, является одной из основных структур авангардной миромодели*¹. Во всяком случае, кажется, что эта регрессивная схема оказывается важным системообразующим началом поэтической семантики Летова и Маяковского, поскольку она мотивирует не только мотивно-образный субстанциональный аспект, проанализированный выше, но оказывается еще и «вшитой» в стиль.

3. Телесное и дискурсивное. Поэтический синтаксис в миромоделирующем аспекте

Концепции телесного и пространственного обуславливают некоторые принципы синтагматического развертывания текста, связываясь тем самым с поэтической грамматикой. Каковы механизмы этой связи?

3.1. Ж. Пиаже обосновал понятие сенсомоторного интеллекта, предполагающее, что развитие интеллектуальных функций в своей основе соотносено с двигательно-чувственным опытом [18]. Этот тезис Пиаже в настоящее время можно считать доказанным: современная когнитивная психология, изучающая телесную укорененность сознания (*embodied mind*), показала, что мышление и другие высшие психические функции буквально «встроены в

---

¹ Возврат к истокам, видимо, является общей мировоззренческой установкой для представителей «исторического авангарда», реализующейся не только в пространственной схеме, но и на эксплицитном тематическом уровне, см. об этом в работе [17].

тело» [19, 20, 21]. «Встроенной в тело» оказывается и человеческая речь: так, повторяющийся сенсомоторный опыт не только кодирует те или иные отдельные семантические представления, он еще и застывает в первичных грамматических категориях [22, 23, 24].

В процессе своего развития речь отвлекается от этого телесного субстрата, однако последний, видимо, никуда не исчезает. Таким образом, идея развития психики по принципу обрастания, где более новые слои надстраиваются над старыми, вполне применима и к языку [25. С. 168; 26. С. 239], именно поэтому телесная база, с которой язык связан в онтогенезе, в некоторых случаях может вновь актуализироваться. Возможно, что этот первичный «чувственно-двигательный» субстрат более активно проявляется в поэтическом языке в силу близости последнего к допонятийному образно-комплексному мышлению. По крайней мере в лирике Летова и Маяковского концепция телесного не только мотивирует мотивно-образный уровень, но и коррелирует с концепцией знака, поэтическим синтаксисом и некоторыми аспектами тропообразования.

3.2. Телесность, являясь своеобразным «фундаментом» поэтической семантики Летова и Маяковского, обуславливает их концепцию знака. Знак Летовым и Маяковским понимается как субстанционально выраженная и телесно воплощенная единица.

Так, у Маяковского абстрактные существительные образно воплощаются, не только через вещественный, но и через телесный код¹. Ср.: «...шевелит ногами непрожеванный крик» [11. Т. 1. С. 62]; «...на царство базаров коронован шум» [Там же. С. 54]; «Мысли, крови сгустки, / больные и запекшиеся, лезут из черепа» [Там же. С. 200].

В текстах Летова сталкиваемся с этим же феноменом отелеснивания абстрактных слов: «В луже кровавого оптимизма / Валяется ощущение человека / в телогрейке» [12. С. 168], «А мои пернатые радости / Толсто жиреют за вашими форточками» [Там же. С. 108]; «Мне на пятки скандалят / Их розовые голоса» [Там же. С. 131].

Частной разновидностью такого телесного знака является образ телесного слова. Ср. у Маяковского: «...а во рту / умерших слов разлагаются трупики» [11. Т. 1. С. 182]; «Обгорелые фигурки слов и чисел из черепа, / как дети из горящего здания» [Там же]; «...придумаем / слово свое, /из сердца сделанное, а не из ваты» [Там же. Т. 7. С. 132]. Летов также прямо декларирует связь тела и слова: «Спойте мне тело, в котором нет слов / Спойте мне слово, в котором нет мяса» [12. С. 199]; «Слово моё захудалое / Родилось ты тут ни с того ни с сего / Словно пятая нога у хромой собачонки» [Там же. С. 345].

3.3. Концепция слова, актуализируя метапоэтическую функцию текста, связывается с интересной закономерностью: модель слова у Летова и Маяковского повторяет модель тела. У Маяковского живое слово – это слово страдающее, которое, как и тело, терзают, ломают, разрушают. Ср., например: «...всеми пиками истыканная грудь, / всеми газами свороченное лицо. /

---

¹ Вещественность знака в лирике Маяковского – факт самоочевидный, однако *телесность знака*, которая обычно вписывается в эту же вещно-конкретную парадигму (см., например: [27. С. 359–360]), все же представляет собой явление принципиально иного порядка.

всеми артиллериями громимая цитадель / головы – / каждое мое четверостишие» [11. Т. 1. С. 229]. У Летова слово, оказываясь своеобразным телесным органом, как и тело, выходит за границы, экстериоризируется: «Разразиться бы, лопнуть / Чтоб с кишками наружу / Живые слова» [12. С. 32].

Связь между словом и телом является системной: так, сдвиг представлений о теле в постреволюционной поэзии Маяковского порождает изменение представлений о слове. В стихотворении Маяковского «Поэт рабочий» (1918) утверждается, что «сердца – такие же моторы, / душа – такой же хитрый двигатель» [11. Т. 2. С. 19] (ср. многочисленные перепевы темы «тело-механизм» в таких текстах, как «Разговор с фининспектором о поэзии», «Товарищу Нетте, пароходу и человеку» и др.). Эта механизация тела коррелирует в постреволюционной лирике поэта с изменением концепции слова: если в дореволюционных стихотворениях слово было организмом, то теперь слово предстает как механизм, предмет, часто оружие. Ср.: «Наше оружие – наши песни» [Там же. С. 7]; «Если песнь не громит вокзала, то к чему переменный ток?» [Там же. С. 14], «рифм отточенные пики», «железки строк» [Там же. Т. 10. С. 282].

В антропологическом аспекте такое «телесное слово» – это слово архаично-мифологическое, в психолингвистическом смысле – это слово с диффузной «комплексной» семантикой, возникающее на ранних стадиях развития мышления [25. С. 139–148]. Однако в любом случае такая телесная конкретность поэтического слова свидетельствует о том, что поэзия Летова и Маяковского возвращается к его психофизиологическим истокам.

Остается нерешённым вопрос о том, каков тип связи между образом телесного и таким «воплощенным» словом? Следует ли вести речь о корреляции (образ телесного *соотносится* с концепцией слова) либо же о причинно-следственной связи (образ телесного *мотивирует* концепцию слова)? Не претендуя на однозначный ответ, все же укажем на недавно отмеченный факт нейропсихологической связи нашего «кинетического» словаря с зонами мозга, которые отвечают за реально осуществляемые двигательные программы [28]. В этом плане дискурсивное мышление может быть прямым образом обусловлено телесным праксисом, что, безусловно, следует учитывать при анализе поэтического языка в подобной антропоцентрической перспективе.

3.4. Если образ тела связан с образом слова *семантически*, то пара «тело – пространство», предполагающая установление отношений между субъектом и объектом, коррелирует в поэзии Летова и Маяковского с определённой *пропозиционально-грамматической* структурой, обуславливающей некоторые характерные особенности поэтического синтаксиса.

Уже давно отмечено, что в стихе Маяковского разрываются синтаксические связи. При этом их разрушение происходит преимущественно в сфере управления, в результате чего «отношения между субъектом и объектом действия перестраиваются заново» [29]. У Летова, как указывают Т.В. Цвигун и А.Н. Черняков, нарушение узальной грамматической правильности также реализуется «в первую очередь – в пределах управления» [1. С. 102].

Остановимся на деформации управления в лирике Летова. Эта деформация часто сопровождается двумя сопутствующими признаками. Во-первых, в тех фрагментах текста, где появляются эти структурные грамматические на-

рушения, на тематическом уровне актуализируется «телесный субстрат». Во-вторых, такие аграмматические конструкции, содержащие телесную семантику, у Летова соотносятся с дезагенсивностью действия: часто неясно, кто является субъектом действия, действие тяготеет к безличности, а предикаты – к уменьшению количества актантов.

Ср. следующий пример: «А вот отдельному солдату / Перестало умирать <...> / Стал он... себя на части разбирать / Череп крепко разворочен, и мозги текут сквозь стены» [12. С. 500]. Аграмматизм «солдату перестало умирать», представляющий собой нарушение глагольного управления, связывается с дезагенсивностью действия и телесной мотивикой. Мы полагаем, что основа этой связи – фундаментальное нарушение субъект-объектных отношений, характерных для летовской (и шире – для авангардистской) модели мира.

Управление, напомним, семантически маркирует разграничение субъекта и объекта. Если же граница между миром и человеком проницаема, если мир становится субъектом действия, а в телесность, наоборот, могут проникать внешние компоненты и управлять ею (см. выше о мотиве многодушия), то трансформация связей на уровне синтаксического управления вполне закономерна.

Такая ущербная субъектность, с одной стороны, обуславливает деформацию синтаксического уровня (так как выпадают грамматические маркеры, выражающие категорию субъекта), а с другой стороны, связывается с телесным началом (так как категория субъекта у Летова всегда телесно представлена). Именно поэтому летовские аграмматизмы часто содержат в себе неустранимый телесный «остаток», который указывает на их глубинную соотнесенность с деформацией отношений между субъектом и объектом, которые кодируются через взаимодействие тела и внешнего пространства.

Думается, что такие намеренные грамматические нарушения, оказываясь мостом между семантикой и грамматикой, являются точками входа в авторский миф и мир. Возможно, что те области, где «ломается» грамматика, содержат в себе принципиально важные смыслы авторской модели мира, которые *не могут быть выражены в рамках узуса*. Фактически аграмматизмы, демонстрируя «недостаточность» языка по отношению к модели мира, маркируют горячие точки смысло- и формообразования, указывают на исключительное положение тем, которые они содержат. Связь семантики и структуры в этих нарушениях свидетельствует о работе механизмов семантического синтаксиса, трансформирующих тему текста в принцип его построения.

При этом то или иное «невывразимое», криптитипическое свойство модели мира может манифестироваться разными способами. В этом смысле небезынтересным будет анализ неологизмов Маяковского, часть которых, как и аграмматизмы Летова, базируется на идее деформированного субъекта, выходящего за свои телесные границы.

В. Тренин указывает на то, что «больше всего у Маяковского новоизобретенных глаголов с приставкой *вы-*», маркирующей движение вовне [29], поэтому вполне закономерна ее связь с семантикой экстерииоризации субъекта, которую содержат в себе соответствующие неологизмы (ср.: *выцеловать*, *вытелить*, *выреветь*, *выржать (душу)*, *вымчать (тело)* и проч.). Предельное разрастание этого приема возникает в поэме «Флейта-позвоночник» [Там же], где мы наблюдаем замечательную корреляцию образа тела со словообразова-

тельным уровнем. Так, образ страдающего героя поэмы, чья телесность экстерииоризирована, спроецирована на внешнее космическое пространство, «объясняет» огромное количество неологизмов с приставкой «вы-», которые словообразовательно маркируют эту «вывернутость».

3.5. Деформированная субъектность является своеобразным «первичным дефектом», она системно проявляется на разных синтагматических уровнях текста, обуславливая не только трансформацию глагольного управления, но и некоторые другие нарушения, в основе которых лежит представление о неопределённом субъекте. Так, например, деформированная субъектность в текстах Летова может быть связана с «разложением» устойчивых словосочетаний, где разрушается представление о телесно-психологической границе героя («Но сияние обрушится вниз / и станет самым тобой» [12. С. 518]), также она обуславливает необычное употребление местоимений («С некоторых пор чувствую за спиной их его за мной оно дышит в череп... / Вдруг как даст по хребтине» [Там же. С. 31]). Примечательно, что в последнем примере грамматическое нарушение правильности речи в очередной раз семантически соотносится с телесным комплексом, включающим в себя мотив агрессивного воздействия на тело.

Вышеприведенные примеры показывают, что с наибольшей силой данный первичный дефект проявляется в сфере, соотношенной с субъектом действия. Субъект действия связан с предикативным центром высказывания, поэтому его топикальная амбивалентность ведет не только к аграмматизмам, но и к синтаксическому разобщению, которое в текстах Маяковского и Летова осуществляется через выпадение местоимений или существительных (последние даются только через свое определение). Применительно к поэзии Маяковского этот факт был отмечен Винокуром [27. С. 370–371], приведем один из его примеров: «...должно быть, / тот, работал над *дохлой*...» [11. Т. 2. С. 80]. Здесь пропущено слово «лошадь», что создает, по мнению Винокура, эффект синтаксического разрыва.

У Летова в этом аспекте показателен текст «Ветер с гор», где отсутствует местоимение «я», а само существительное «ветер» дается, как и у Маяковского существительное «лошадь», через ряд определений. Ср.: «Втянул бы всё это / небесное мрачное / всосал бы весь этот ветренный / весь этот тяжёлый / весь этот холодный ледяной / Который меня молотком по голове...» [12. С. 8].

В результате в песне возникает синтаксическая неполнота, маркирующая комплекс имперсональности¹. Однако качественный анализ ее происхождения показывает, что синтаксис является вторично страдающим звеном, первичным же фактором этого синтаксического дефекта становится нарушенная дейктическая референция. Каковы механизмы этого нарушения?

Деформация субъекта, связанная с исчезновением границы между внешним и внутренним, приводит к невозможности соотнести героя с конкретной пространственно-временной точкой. Герой Летова подобен ленте Мёбиуса, он может одновременно находиться внутри и снаружи своего тела. Ср. такой «инсайдаут» (термин К. Кедрова) в «Конце карантина», где герой одновре-

¹ Анализ этого семантического комплекса в лирике Летова см. в работе [30].

менно остается в «темноте сарая» и выходит из нее. Симптоматично, что это логико-нарративное нарушение, как и аграмматизмы, проанализированные выше, сопровождается образом страдающего тела: «...оставив себя в темноте сарая / И всё, что связано и перевязано, / Я вынес на солнце / Своё обнажённое скользкое сердце...» [12. С. 55].

Невозможность привязать героя к конкретному хронотопу (ср.: «...всё вдруг и встало на свои чётко неопределённые места» [Там же. С. 3]), в свою очередь, приводит к выпадению местоимений, ибо они, выполняя дейктическую функцию, указывают на «фиксированное» положение говорящего в определённом локусе. Выпадение же местоимений в конечном счете обуславливает вышеозначенную синтаксическую неполноту.

Интересно, что такая «дезагенсивность» действия является своеобразным архаическим остатком «прагматического» древнего языкового кода, который предполагает сочинительную связь, отсутствие местоимений, минимальное количество именных основ при глаголе, дпящееся прошедшее время [32. С. 23–25]. Приведем пример текста Летова, прекрасно демонстрирующий эти принципы:

Трижды удостоенный
отзывчивой дубиной по гранёной башке
Продолжал настойчиво
стучаться в ворота пока не задохнулся
От собственной дерзости
А птички застревали *кусочками* в горле
А в камере смертников
заклочённым снился один и тот же сон.
[12. С. 23]

Проявление в летовских текстах такого «первичного языка», видимо, объясняется концепцией «дозеркального» синкретического субъекта, которая является общей как для авангардистов, так и для ранних мифологических текстов. Во всяком случае подобная топикальная неопределенность субъекта, обнаруживаясь на ранних стадиях развития языка и сознания как в фило- так и в онтогенезе [33. С. 9], встречается также и в мифопоэтической картине мира, где «я» субъекта является диффузным и «проницаемым» [34. С. 197].

Таким образом, «синтаксическая архаичность» авангардистских текстов, взятая вкупе с телесным комплексом, в них представленном, свидетельствует об изоморфизме модели тела и модели поэтического слова в лирике Летова и Маяковского. *Поэтическое слово возвращается в исходное дограмматическое состояние, не предполагающее разделения субъекта и объекта, а тело регрессирует в дозеркальное диффузное пространство, не предполагающее разделения «я» и мира.* Поэтому вполне закономерно, что расшатывание грамматики в их творчестве идет по линии дейксиса (которая определяет четко отграниченное положение человека в коммуникативном пространстве) и грамматического управления (которое предполагает разграничение субъекта и объекта действия).

4. Структура и функции «воплощенной» метафоры в лирике Летова и Маяковского

Рассмотренная модель «пространство – тело» обуславливает в поэзии Летова и Маяковского базовый метафорический фрейм, порождающий ряд частных метафор. Отсутствие стабильной границы между телом и пространством приводит к перекрещиванию в рамках данного фрейма семантических признаков «внутреннее – внешнее». В результате этого продуцируются метафоры, где тело метафоризируется как внешнее пространство, а внешнее пространство – как тело.

4.1. В лирике Маяковского обнаруживается большое количество таких метафорических конструкций: «По мостовой моей души / изъезженной...» [11. Т. 1. С. 45]; «Я вышел на площадь, / выжженный квартал / надел на голову...» [Там же. С. 62]; «Память, / Собери у мозга в зале...» [Там же. С. 199]; «Кровью сердца дорогу радую» [Там же. С. 194] и др. В текстах Летова эта метафорическая модель, предполагающая семантический «блендинг» тела и пространства, тоже является весьма продуктивной: «Из ноздри моей левой / Капает / Засохшая дорога» [12. С. 177]; «Реки ушли под землю на их месте / Остались пустые кишки полные дряни» [Там же. С. 44]; «Небо цвета мяса» [Там же. С. 61]; «Луны безымянный труп» [Там же. С. 238]; «Земля смердит до самых звезд» [Там же. С. 228].

Такого рода метафоры кажутся довольно новаторскими и необычными, однако в их смысловой подоплеке лежит та же идея о тождестве тела и пространства; выше эта идея реализовывалась на мотивно-образном и грамматическом уровнях, здесь же она актуализируется в сфере тропообразования.

4.2. Мифологическое мышление, предполагающее тождество мира и человека, сохранилось в языке в области языковых метафор. Летов и Маяковский, реализуя эти метафоры, реанимируют их стершееся образное значение.

Реализованная метафора у Маяковского, довольно подробно описанная в исследовательской литературе, является частным вариантом разложения идиоматики. Наиболее репрезентативным текстом в этом аспекте является поэма «Облако в штанах», где реализуются такие метафоры, как «сердце горит», «нервы разыгрались» и проч. Текущее тело, рассмотренное нами выше, возможно, также является реализованной метафорой, предполагающей буквальное понимание языкового выражения «слиться с кем-либо».

У Летова реализация метафоры не так заметна и ярка, поскольку она не образует микро-сюжетов, как в поэмах Маяковского, тем не менее к этому приему он обращается довольно часто. Так, во-первых, образ страдающего тела, на которое агрессивно действует мир, видимо, связан с выражением «испытывать давление». В летовских текстах это *подавленное состояние* по закону логики сновидений, не знающей абстракций и переносного смысла, реализуется в конкретно-физиологических образах (ср. «кишки и мозги разлетятся как мухи» [Там же. С. 59]). Тело, которое взрывается (см. примеры выше), кажется, связано с метафорой «взорваться от гнева», «выйти из себя». Тело текущее имеет такую же смысловую мотивировку, как и в поэзии Маяковского.

Следует обратить внимание на следующий интересный факт: *реализованные метафоры большей частью содержат в себе телесные образы и мотивы*. Такая избирательность может объясняться психологическими причинами. Возможно, что метафоричность есть неотчуждаемая особенность описания внутренних телесно-эмоциональных состояний, так как область внутреннего телесного опыта, будучи размытой и неопределённой, может проявиться только в метафорической проекции внутреннего телесного ощущения на внешнее [19. С. 52].

Однако под «внутренним» могут пониматься не только соматические, но и эмоциональные процессы. В такой перспективе основная функция телесных метафор в языке заключается в том, что они обозначают сильное эмоциональное состояние, в котором пребывает личность (ср. русские языковые метафоры типа «взорваться от гнева», «сносит крышу», «сердце разрывается» и т.д.). Психологические данные подтверждают этот наивный взгляд языка и свидетельствуют о том, что *эмоция сильнейшим образом укоренена в телесном бытии человека*¹. Лирика Маяковского и Летова прекрасно иллюстрирует эту мысль: реализованные метафоры, связанные с телом, в их поэзии всегда выражают сильный аффект, который в буквальном смысле выводит человека из себя, за границы своей личности, что метафорически кодируется выходом за пределы тела².

В этом психологическом ракурсе образы нестабильной телесности (тело-лава, вывернутое тело, расчленённое тело и др.) предстают в несколько ином свете: все эти образы являются вариантами аффективного тела, соотносённого с расширяющейся эмоцией, которая в буквальном смысле раздирает героя на части. Мифологическим коррелятом такого аффективного тела является агрегатная телесность «мирочеловека», образ которого, как мы указали, является одним из важнейших смысловых центров лирики Летова и Маяковского.

Таким образом, регрессивная схема дозеркального тождества тела и мира мотивирует не только мотивно-образный и микросюжетный уровень поэзии Летова и Маяковского, но и обуславливает некоторые техники работы со словесным материалом. Так, смешение внешнего и внутреннего порождает топикальную неопределённость субъекта, что разрушает дейктическую референцию и приводит к синтаксической неполноте и аграмматизмам. Проникаемая телесная граница, которая появляется в результате этого смешения, мотивирует специфический метафорический фрейм, где происходит переkreщивание признаков «внешнее пространство» – «телесность», и маркирует образ страдающего тела, который, будучи компонентом реализованной метафоры, кодирует состояние аффекта и «показывает» расширяющуюся эмоцию, «разрывающую» тело. Такая сильная связь образа телесного и модели поэти-

---

¹ Небезынтересным будет отметить, что за социальную боль отвечают те же зоны мозга, что и за реальную боль (см. об этом: [35]). Это «наложение» с нейропсихологической точки зрения объясняет функционирование подобной телесной метафорики, призванной в первую очередь выражать эмоционально-аффективные состояния.

² В.А. Успенский в работе «О вещных коннотациях абстрактных существительных» [36] отметил, что абстрактные понятия понимаются нами через вещный код; эмоции же, видимо, воплощаются в телесных образах.

ческого слова подтверждает исходную гипотезу о том, что сходство разных поэтик на уровне ключевых телесно-пространственных образов «предсказывает» типологические конвергенции и на других уровнях поэтического текста.

* * *

Авангардистский дискурс принято соотносить с феноменом «уединенного сознания». Мы, подходя к исследуемому объекту с иной стороны, можем вычленив в авангарде образ «уединенной телесности», которая обуславливает ситуацию утраты идентичности. Так, предельный отрыв личности от мира, связанный с поиском некоей утопической целостности, *лишает целостности саму личность*. Этот парадокс, видимо, объясняется тем, что целостность субъекта немислима без категории границы, которая бы отделяла человека от мира. Исчезновение этой границы ведет к желаемому разрушению «чужого мира», но и – парадоксально – к разрушению эго, ибо «я» существует, пока есть «не-я» [19. С. 76–77]. Поэтому-то поведение тела в этом идеальном утопическом мире напоминает эксперименты по сенсорной депривации, когда лишение человека «плотного бытия», связанного с «обедненностью внешней стимуляции», приводило к галлюцинациям, связанным с *метаморфозами тела*: у испытуемых возникали ощущения изменения формы и размерности тела, конечностей, появлялось ощущение нахождения сознания вне тела и проч. [36]. Именно с такими трансформациями телесного мы сталкиваемся в поэзии Летова и Маяковского, где предельный индивидуализм, отрицающий всякие границы, растворяется в безличном.

Литература

1. Черняков А.Н., Цвигун Т.В. Поэзия Е. Летова на фоне традиции русского авангарда (аспект языкового взаимодействия) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 1999. Вып. 2. С. 98–106.
2. Авилова Е.Р. Телесность как основная универсалия авангардной модели мира (на примере творчества Егора Летова) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Екатеринбург; Тверь, 2010. Вып. 11. С. 172–177.
3. Жирмунский В.М. Литературные течения как явление международное // Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л., 1979. С. 137–158.
4. Темиришина О.Р. Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия. М.: МНЭПУ, 2012. 290 с.
5. Топоров В.Н. Пространство и текст // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 1. С. 318–382.
6. Бородицки Л. Как языки конструируют время // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М., 2015. С. 199–213.
7. Miles L.K., Nind L.K., Macrae C.N. Moving Through Time // Psychological Science. 2010. № 21(2). P. 222–223.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. 320 с.
10. Lacroff G., Jonson M. Philosophy in the Flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought. New York: Basic Books, 1999. 624 p.
11. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Гослитиздат, 1955–1961.
12. Летова Е. Стихи. М.: Выргород, 2011. 548 с.

13. *Темиришина О.Р.* Тело и знак: К проблеме утопии и антиутопии в поздней поэзии В. Маяковского // Творчество А. Ахматовой и Н. Гумилева в контексте поэзии XX века: материалы Междунар. науч. конф. Тверь, 2004. С. 273–281.
14. *Топоров В.Н.* Из статьи «Флейта водосточных труб и флейта позвоночник (внутренний и внешний контексты)» // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 1. С. 438–447.
15. *Галиева М.А.* Трансформация фольклорной традиции в русской поэзии начала XX века (С.А. Есенин и В.В. Маяковский): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 256 с.
16. *Лакан Ж.* Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я в том виде, в каком она предстает нам в психоаналитическом опыте // «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа. М., 2009. С. 508–517.
17. *Бобринская Е.* Миф истока в русском авангарде 1910-х гг. // Бобринская Е. Русский авангард: истоки и метаморфозы. М., 2003. С. 24–44.
18. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2003. 192 с.
19. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 227 с.
20. *Herbert J., Gross J., Hayne H.* Crawling is associated with more flexible memory retrieval by 9-month-old infants // *Developmental Science*. 2007. Vol. 10. P. 183–189.
21. *Anderson D. et al.* The role of locomotion in psychological development // *Frontiers in Psychology*. 2013. Vol. 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2013.00440/full> (дата обращения: 30.03.2017).
22. *Gallese V., Lakoff G.* The Brain's Concepts: The Role of the Sensory-Motor System in Conceptual Knowledge // *Cognitive Neuropsychology*. 2005. Vol. 22. P. 455–479 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/2207332/The_brains_concepts_The_role_of_the_sensory-motor_system_in_conceptual_knowledge (дата обращения: 30.03.2017).
23. *Lieberman P.* Human language and our reptilian brain. The Subcortical Bases of Speech, Syntax, and Thought. Cambridge, London: Harvard university press, 2000. P. 82–124. 222 p.
24. *Брунер Дж.* Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. М., 1984. С. 21–50.
25. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т. 2. С. 5–362.
26. *Ахутина Т.В.* Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. 424 с.
27. *Винокур Г.О.* Маяковский – новатор языка // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М., 1991. С. 317–407.
28. *Hauk O., Johnsrude I., Pulvermuller F.* Somatopic Representation of Action Words in Human Motor and Premotor Cortex // *Neuron*. 2004. Vol. 41. P. 301–307 [Электронный ресурс]. URL: http://ling.umd.edu/~ellenlau/courses/nacs642/Hauk_2004.pdf (дата обращения: 30.03.2017).
29. *Тренин В.В.* Особенности языка Маяковского [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200502207> (дата обращения: 30.03.2017).
30. *Черняков А.Н., Цвигуни Т.В.* Подступы к поэтическому языку Егора Летова: персональность/имперсональность // Подробности словесности: сб. ст. к юбилею Людмилы Владимировны Зубовой. СПб., 2016. С. 398–408.
31. *Успенский Б.А.* Дейксис и вторичный семиозис в языке // *Вопр. языкознания*. 2011. № 2. С. 3–30.
32. *Николаева Т.М.* От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.
33. *Тхостов А.Ш., Журавлев И.В.* Субъективность как граница: Топологическая и генетическая модели // *Психологический журнал*. 2003, Т. 24, № 3. С. 5–12.
34. *Иванов Вяч.Вс.* Структура гомеровских текстов, описывающих психические состояния // *Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры*. М., 2009. Т. 5. С. 191–219.
35. *Eisenberger N.I.* The pain of social disconnection: examining the shared neural underpinnings of physical and social pain. // *Nature Reviews Neuroscience*. 2012. 13(6). P. 421–434.
36. *Успенский В.А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // *Семиотика и информатика*. М., 1979. Вып. 11. С. 142–149.
37. *Тхостов А.Ш.* Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология*. 1994. № 3. С. 3–12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychology.ru/library/00058.shtml> (дата обращения: 30.03.2017).

POETIC TYPOLOGY OF LETOV'S AND MAYAKOVSKY'S LYRICS: FROM WORLD MODEL TO LANGUAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 49. 188–208. DOI: 10.17223/19986645/49/12

Olesya R. Temirshina, Gribododov International Law and Economics Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: olesja@temirshina.ru

Keywords: Mayakovsky, Letov, typological method, body, space, poetic semantics, poetic grammatics.

The aim of the work is to describe typological convergences between the lyrics of Mayakovsky and Letov in the linguistic and world-modeling aspects. The material of the study is Letov's and Mayakovsky's lyrics, the subject of the work are the mechanisms of the poetic language conditionality by the world model. The main method used is structural-typological comparison.

The author differentiates the terms “world model” and “world image” in the theoretical part of the article: it is assumed that *world model* is a kind of a general scheme (frame or gestalt) which, being actualized in different cultural and philosophical “codes”, forms various *world images*. Typological analysis should be done at a world-model level since the world model allows to see one poetics type through the diversity of its cultural and philosophical representations (while analysis of world images allows to detect individual “deviations” of poetics from this general type).

The main theoretical hypothesis of the article is the assumption that the key structures of the world model are images of body and space. These concrete concepts encode complex and abstract relations between the human and the world. They are manifested at semantic and grammatical levels simultaneously and perform the constructive function in texts.

The form-forming function of the world model in relation to poetic semantics and grammar was determined in the practical part of the work on the basis of the analysis of Letov's and Mayakovsky's lyrics.

The research shows that the primary conflict “human vs world” is expressed in the elementary opposition “body vs confining space” at a semantic level. The main intention of the persona is to go beyond the confining space. This is done in two ways: through the construction of a new utopian space (without boundaries) and through the creation of a new “fluid” corporeality related to this space.

The disappearance of the boundary between the body and the world semantically marks the neutralization of the boundary between the subject and the object, which elicits the appearance of the Anthropos archetype in Letov's and Mayakovsky's lyrics. This archetype represents a return to the early ontogenetic stages of psychological development, as a result of which a specific model is formed where the body and space are identical.

This model sets a propositional-grammatical structure which determines some features of the syntagmatic text structure and specific semiotic mechanisms of metaphorization in the poetry of Letov and Mayakovsky.

Thus, the blending of the *external* and the *internal* generates the *non-topical subject*, which destroys the deictic reference and leads to syntactic incompleteness and agrammatisms. The *body's permeable boundary*, which appears as a result of this blending, also generates a specific metaphorical frame where space and body are fused together. The suffering body image with a permeable boundary, in turn, is associated with the expressed metaphor which, indicating the affect state, shows the expanding emotion that “tears” the body.

References

1. Chernyakov, A.N. & Tsvigun, T.V. (1999) Poeziya E. Letova na fone traditsii russkogo avangarda (aspekt yazykovogo vzaimodeystviya) [Poetry of E. Letov against the backdrop of the tradition of the Russian avant-garde (the aspect of linguistic interaction)]. In: Domanskiy, Yu.V. et al. (eds) *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context]. Vol. 2. Tver: Tver State University.
2. Avilova, E.R. (2010) Telesnost' kak osnovnaya universalnaya avangardnoy modeli mira (na primere tvorchestva Egora Letova) [Corporeality as the main universal of the avant-garde model of the world (on the example of Egor Letov's creativity)]. In: Domanskiy, Yu.V. et al. (eds) *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context]. Vol. 11. Ekaterinburg, Tver: Ural State Pedagogical University.

3. Zhirmunskiy, V.M. (1979) *Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad* [Comparative literary criticism. East and West]. Leningrad: Nauka. pp. 137–158.
4. Temirshina, O.R. (2012) *Tipologiya simvolizma. Andrey Bely i sovremennaya poeziya* [Typology of Symbolism. Andrei Bely and modern poetry]. Moscow: MNEPU.
5. Toporov, V.N. (2010) *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы* [World Tree. Universal sign systems]. Vol. 1. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. pp. 318–382.
6. Boroditski, L. (2015) Kak yazyki konstruiruyut vremya [How languages construct time]. In: Kravchenko, A.V., Mazurova, Yu.V. & Fedorova, O.V. (red.) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought: Modern cognitive linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. Miles, L.K., Nind, L.K. & Macrae, C.N. (2010) Moving Through Time. *Psychological Science*. 21(2). pp. 222–223. DOI: 10.1177/0956797609359333
8. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metaphory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English Moscow: Editorial URSS.
9. Luriya, A.R. (1979) *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Moscow: Moscow State University.
10. Lakoff, G. & Johnson, M. (1999) *Philosophy in the Flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*. New York: Basic Books.
11. Mayakovskiy, V.V. (1955–1961) *Polnoe sobranie sochineniy v 13 t.* [Complete works in 13 vols]. Moscow: Goslitzdat.
12. Letov, E. (2011) *Stikhi* [Poems]. Moscow: Vyrgorod.
13. Temirshina, O.R. (2004) [Body and sign: To the problem of utopia and dystopia in the late poetry of V. Mayakovsky]. *Tvorchestvo A. Akhmatovoy i N. Gumileva v kontekste poezii XX veka* [Works of A. Akhmatova and N. Gumilev in the context of 20th-century poetry]. Proceedings of the international conference. Tver: Tver State University. pp. 273–281. (In Russian).
14. Toporov, V.N. (2010) *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы* [World Tree. Universal sign systems]. Vol. 1. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. pp. 438–447.
15. Galieva, M.A. (2016) *Transformatsiya fol'klornoy traditsii v russkoy poezii nachala XX veka (S.A. Esenin i V.V. Mayakovskiy)* [Transformation of the folklore tradition in Russian poetry of the early twentieth century (S.A. Yesenin and V.V. Mayakovsky)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
16. Lacan, J. (2009) “Ya” v teorii Freyda i tekhnike psikhooanaliza [The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis]. Translated from French. Moscow: Gnozis, Logos. pp. 508–517.
17. Bobrinskaya, E. (2003) *Russkiy avangard: istoki i metamorfozy* [Russian avant-garde: sources and metamorphoses]. Moscow: Pyataya strana. pp. 24–44.
18. Piaget J. (2003) *Psikhologiya intellekta* [The psychology of intelligence]. Translated from French. St. Petersburg: Piter.
19. Tkhostov, A.Sh. (2002) *Psikhologiya telesnosti* [Psychology of corporeality]. Moscow: Smysl.
20. Herbert, J., Gross, J. & Hayne, H. (2007) Crawling is associated with more flexible memory retrieval by 9-month-old infants. *Developmental Science*. 10. pp. 183–189.
21. Anderson, D. et al. (2013) The role of locomotion in psychological development. *Frontiers in Psychology*. 4. [Online] Available from: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2013.00440/full>. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00440>. (Accessed: 30.03.2017).
22. Gallese, V. & Lakoff, G. (2005) The Brain's Concepts: The Role of the Sensory-Motor System in Conceptual Knowledge. *Cognitive Neuropsychology*. 22. pp. 455–479. [Online] Available from: https://www.academia.edu/2207332/The_brains_concepts_The_role_of_the_sensory-motor_system_in_conceptual_knowledge. DOI: 10.1080/02643290442000310 (Accessed: 30.03.2017).
23. Lieberman, P. (2000) *Human language and our reptilian brain. The Subcortical Bases of Speech, Syntax, and Thought*. Cambridge, London: Harvard University Press. pp. 82–124.
24. Bruner, J. (1984) Ontogenez rechevykh aktov [The ontogenesis of speech acts]. Translated from English. In: Shakhnarovich, A.M. (ed.) *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Progress.
25. Vygotskiy, L.S. (1982) Myshlenie i rech' [Thinking and Speech]. In: *Sobr. soch. v 6 t.* [Works in 6 vols]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika.
26. Akhutina, T.V. (2014) *Neyrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neurolinguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

27. Vinokur, G.O. (1991) *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction]. Moscow: Vysshaya shkola.
28. Hauk, O., Johnsrude, I. & Pulvermuller, F. (2004) Somatopic Representation of Action Words in Human Motor and Premotor Cortex. *Neuron*. 41. pp. 301–307. [Online] Available from: http://ling.umd.edu/~ellenlau/courses/nacs642/Hauk_2004.pdf. (Accessed: 30.03.2017).
29. Trenin, V.V. (2005) *Osobennosti yazyka Mayakovskogo* [Features of the language of Mayakovsky]. [Online] Available from: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200502207>. (Accessed: 30.03.2017).
30. Chernyakov, A.N. & Tsvigun, T.V. (2016) Podstupy k poeticheskomu yazyke Egora Letova: personal'nost'/impersonal'nost' [Approaches to the poetic language of Yegor Letov: personality / impersonality]. In: *Podrobnosti slovesnosti. Sbornik statey k yubileyu Lyudmily Vladimirovny Zubovoy* [Details of literature. Collection of articles for the anniversary of Lyudmila Vladimirovna Zubova]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.
31. Uspenskiy, B.A. (2011) Deyksis i vtorichnyy semiozis v yazyke [Deixis and secondary semiosis in language]. *Voprosy yazykoznaneya*. 2. pp. 3–30.
32. Nikolaeva, T.M. (2000) *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
33. Tkhostov, A.Sh. & Zhuravlev, I.V. (2003) Sub'ektivnost' kak granitsa: Topologicheskaya i geneticheskaya modeli [Subjectivity as a boundary: Topological and genetic models]. *Psikhologicheskyy zhurnal*. 24:3. pp. 5–12.
34. Ivanov, V.V. (2009) *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury* [Selected works on the semiotics and history of culture]. Vol. 5. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 191–219.
35. Eisenberger, N.I. (2012) The pain of social disconnection: examining the shared neural underpinnings of physical and social pain. *Nature Reviews Neuroscience*. 13(6). pp. 421–434. DOI: 10.1038/nrn3231
36. Uspenskiy, V.A. (1979) O veshchnykh konnotatsiyakh abstraktnykh sushchestvitel'nykh [On the material connotations of abstract nouns]. *Semiotika i informatika – Semiotics and Informatics*. 11. pp. 142–149.
37. Tkhostov, A.Sh. (1994) Topologiya sub'ekta (opyt fenomenologicheskogo issledovaniya) [Topology of the subject (experience of phenomenological research)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 14, Psikhologiya*. 3. pp. 3–12. [Online] Available from: <http://www.psychology.ru/library/00058.shtml>. (Accessed: 30.03.2017).